

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ

DOI: 10.14515/monitoring.2018.3.18

Правильная ссылка на статью:

Юдин Г. Б. Теория и технология перманентного референдума // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 3. С. 344—354. Рец. на кн.: Гэллуп Дж., Рэй С. Ф. Пульс демократии. Как работают опросы общественного мнения. М.: ВЦИОМ, 2017. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.3.18>.

For citation:

Yudin G. B. (2018) Quality of youth employment in Russia: analysis of job satisfaction estimates. A book review on 'The Pulse of Democracy: the Public Opinion Poll and How it Works' by G. Gallup, S. F. Rae. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 344—354. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.3.18>.

Г. Б. Юдин

ТЕОРИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ ПЕРМАНЕНТНОГО РЕФЕРЕНДУМА

Рецензия на книгу:

Гэллуп Дж., Рэй С. Ф. Пульс демократии. Как работают опросы общественного мнения. М.: ВЦИОМ, 2017.

ТЕОРИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ ПЕРМАНЕНТНОГО РЕФЕРЕНДУМА. РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ГЭЛЛАП ДЖ., РЭЙ С. Ф. ПУЛЬС ДЕМОКРАТИИ. КАК РАБОТАЮТ ОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ. М.: ВЦИОМ, 2017.

THEORY AND TECHNOLOGY OF PERMANENT REFERENDUM. A BOOK REVIEW ON 'THE PULSE OF DEMOCRACY: THE PUBLIC OPINION POLL AND HOW IT WORKS' BY G. GALLUP, S. F. RAE. MOSCOW, VTSIOM, 2017.

ЮДИН Григорий Борисович — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Лаборатории экономико-социологических исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; профессор, Московская высшая школа социальных и экономических наук, Москва, Россия. E-MAIL: greg.yudin@hse.ru ORCID: 0000-0001-8828-2089

Gregory B. YUDIN^{1,2} — Cand. Sci. (Philos.), Senior Research Fellow; Professor E-MAIL: greg.yudin@hse.ru ORCID: 0000-0001-8828-2089

¹ National Research University Higher School of Economics

² Moscow School of Social and Economic Sciences, Moscow, Russia

Хотя в России часто путают социологию с исследованиями общественного мнения, у последних на самом деле своя традиция, свои классики и свое мировоззрение. Но если основоположников социологии на русский язык отчасти перевели, то исследованиям общественного мнения до сих пор не везло. И вот наконец отечественный читатель может взять в руки главную книгу отца-основателя современных опросов общественного мнения — Джорджа Гэллапа. Работа написана Гэллапом в соавторстве с канадцем Солом Форбсом Рэем.

Для всякого, кто привык думать, что общественное мнение изучает социология, книга станет открытием. Слова «социология» в тексте Гэллапа и Рэя не встречается ни разу, нет и ссылок на социологических классиков (кроме Габриэля Тарда, который мимоходом упомянут в негативном ключе). Достаточно приступить к чтению, чтобы увидеть, что язык Гэллапа куда ближе к другим дисциплинам — в первую очередь к политической философии, а во вторую — к политической науке и социальной психологии. Можно надеяться, что публикация русского перевода «Пульса демократии» поможет избавиться от одного из самых странных заблуждений в отечественных социальных науках.

Пожалуй, нигде рекомендация прочитать Гэллапа не звучит так актуально, как в России. Дело здесь не только в недостаточном понимании сути опросов общественного мнения, но и в их небывалой значимости и влиянии на жизнь общества. Во всем мире опросов становится все больше с каждым днем — наш интерес к тому, сколько процентов людей думает так же, как мы (от предвыборных рейтингов до голосования в теле- и радиоэфирах), говорит нечто очень важное об устройстве современных обществ. Однако даже на этом фоне Россия стоит особняком. Публичные заявления официальных лиц, начиная с президента, признающего, что в межвыборный период доказательством его поддержки служат результаты опросов, показывают, какую роль опросы играют в производстве легитимности политиков и их решений. Использование опросов вместо общенациональных референдумов, а также государственные инвестиции в получение данных и развитие технологий выборки свидетельствуют, что опросы стали важной частью политической системы. Наконец, напряженное внимание, с которым следят за результатами опросов в стране, подтверждает, что опросы выступают для общества главным механизмом получения информации о себе самом. Россия сегодня во многом — воплощение системы, которую хотел построить Гэллап. Что же это за система?

Ответ на этот вопрос содержится в книге Гэллапа и Рэя, однако найти его не так просто. «Пульс демократии» не получится читать так же, как мы читаем памятники теоретической социологии или психологии. Неслучайно эта книга давно не переиздавалась, несмотря на широкую известность Гэллапа в США. Социологи и психологи не смогли бы двигаться вперед без постоянного обращения к работам своих основоположников — а для исследователей общественного мнения это не составляет труда. В этой работе трудно найти какие-то глубокие мысли, которые имели бы шанс быть вновь открытыми спустя много десятилетий. Она может дать объяснение сути опросов для того, кто с ними не знаком; однако несложно найти работы, написанные не хуже и притом более свежие. В чем тогда ценность этой книги и как ее читать?

Следует иметь в виду, что Гэллалп был прежде всего гениальным технологом. Исследования общественного мнения он рассматривал именно как технологию, позволяющую решать недоступную прежде задачу постоянного информирования о мнении людей. Выходец из мира рекламы, с опытом работы в штабе кандидатов на выборах (об этом пишет в ценном введении к переводу главный биограф полстеров Борис Докторов), Гэллалп всегда имел в виду конкретную цель, которой должна была послужить его работа. «Пульт демократии» поэтому является в первую очередь апологией новой технологии, стремительно вошедшей в жизнь Америки всего за пять лет. Три раздела книги отвечают на три основных вопроса о любой технологии: как она работает, для чего она нужна и почему она эффективна для достижения поставленных целей.

Впрочем, как известно из исследований науки и технологий, любая работающая технология неизбежно перформативна: внедряясь в повседневную жизнь людей, она заставляет их относиться к предпосылкам, на которых она основана, как к чему-то самоочевидному [Pickering, 1995]. Иными словами, вместе с принятием технологии мы, сами того не замечая, принимаем и то мировоззрение, которое за ней стоит. Технология как бы тянет за собой тот взгляд на мир, который позволил ее создать, и она будет функционировать лишь до тех пор, пока мы не сомневаемся в этом взгляде.

В случае с опросами Гэллалпа мировоззренческим элементом, который подразумевается самой опросной технологией, является его понимание демократии. Как следует из названия книги, опросы нужны для того, чтобы постоянно отслеживать волю народа, держать руку на пульсе демократии. Вне демократии опросы не имеют ценности: скажем, для «диктатур», как обобщенно называет недемократические режимы Гэллалп, в опросах нет никакого проку (недаром ведомство Й. Геббельса следило за новой технологией, но отвергло ее на том основании, что единство фюрера с народом не требует никакого измерения). Однако это еще не самое важное. Гэллалповские опросы соответствуют не абстрактной демократии, а конкретному, довольно специфическому взгляду на демократию, который исповедовал их основатель.

Чтобы понять, какое понимание демократии «зашито» в опросную технологию, следует восстановить ту теорию демократии, которую принимает Гэллалп. Иными словами, нужно прочитать эту книгу одновременно как исторический документ и как работу по теории демократии. Однако это не так легко сделать: хотя Гэллалп имеет собственную позицию, практический человек в нем явно берет верх и вынуждает затушевывать специфику своего взгляда там, где ее можно было бы подчеркнуть (неслучайно Гэллалп привлек к этой работе молодого Рэя для усиления теоретической стороны). При чтении может сложиться впечатление, что опросы — бесспорное благо для всех, кроме разве что диктаторов. Хотя это и есть тот эффект, которого желал достичь Гэллалп, стремившийся к укреплению и расширению новой индустрии опросов, из-за этого от внимания читателя может ускользнуть ряд важных и неочевидных убеждений Гэллалпа. Выделим наиболее значимые из них.

1. Опросы — это политическая технология. Задача опросов состоит в том, чтобы укреплять народное правление. Для Гэллалпа идеал демократии был сформулирован Джеймсом Брайсом — это ситуация, в которой мнение народа по всем

значимым вопросам можно будет узнавать регулярно [Гэллп, Рэй, 2017: 42]. Препятствие для достижения этого состояния носит чисто технологический характер: Брайс не верил в то, что в масштабах современных государств это возможно. Гэллп полагает, что решил проблему «более эффективной работы демократии» [Гэллп, Рэй, 2017: 108], дав возможность постоянно знать о мнении большинства людей.

Словосочетание «политическая технология» в последнее время употребляется в основном для обозначения манипуляций, зачастую этически сомнительных. Его используют, когда говорят о недобросовестных или сфабрикованных опросах. Однако смысл, который вкладывал в опросы Гэллп, предполагает, что как раз самый корректный и честно проведенный опрос представляет собой политическую технологию, поскольку нужен для решения политических задач.

2. Опросы решают проблему политической репрезентации с помощью репрезентации научной. Своим успехом Гэллп во многом обязан научной (статистической) технологии выборки. Ей в книге посвящена отдельная глава «Электорат в миниатюре», где доступным языком рассказывается идея создания модели изучаемого объекта с помощью выборочного исследования. Ключевыми здесь являются понятия «репрезентации» и «репрезентативности». Именно репрезентация обосновывает «новую науку измерения общественного мнения» [Гэллп, Рэй, 2017: 80]. В отличие от прежних опросов, которые были построены на интуитивной идее охвата как можно большей части населения, за гэллповскими опросами стоит авторитет научной концепции репрезентативной выборки.

Одновременно с этим опросы выполняют функцию политической репрезентации всего общества с помощью голосов граждан, попавших в выборку. «Поннастоящему точная картина общественного мнения может быть получена при небольшой выборке, если в нее попали представители всех основных групп населения» [Гэллп, Рэй, 2017: 79]. Здесь речь идет о политическом представительстве не совсем в том смысле, который обычно подразумевается в американской политической системе представительного правления. В терминах классика теории репрезентации Ханны Питкин, если конгрессмены и другие выборные делегаты осуществляют формальную репрезентацию, то выборочный опрос позволяет добиться репрезентации дескриптивной, то есть такой, которая по возможности точно отражает все свойства представляемого [Pitkin, 1967: 75]. В США существует длительная традиция критики избранных представителей, которые ведут политику «в стиле Тамани-холл», принимая ключевые решения «за закрытыми дверями» и «в прокуренных комнатах»¹. Гэллп полагает, что решает эту проблему: благодаря случайно отобранному представителям можно всегда знать, что думает народ в целом, а не полагаться на лукавых политиков. То, на что не способны представители-делегаты, могут сделать представители-респонденты.

Таким образом, опросы становятся технологией двойной репрезентации: научная модель позволяет устранить недостатки представительной демократии. «Пульт демократии» показывает, что эти две стороны невозможно отделить друг

¹ Термин «прямая демократия», который Гэллп использует для опросов, имеет смысл только в свете этой критики избранных представителей. Конечно, процедуру, в ходе которой лишь ничтожная часть населения имеет возможность ответить на предложенный кем-то вопрос, невозможно назвать «прямой демократией». О том, работают ли опросы на прямую демократию хотя бы в узком смысле, речь пойдет ниже.

от друга. Опросы никогда не могут быть «чистой наукой», потому что сам смысл их существования связан с решением задачи политической репрезентации. В то же время, после Гэллапа на репрезентацию народной воли не может претендовать любой политик: искусство представлять других стало невозможным без соблюдения научных процедур.

3. Идеалом демократии является перманентный референдум. Опираясь на воззрения Дж. Брайса, Дж. Гэллап утверждает, что демократия достигает своей высшей стадии, когда становится возможным проводить «перманентные общенациональные референдумы» [Гэллап, Рэй, 2017: 52]. Иными словами, именно тогда, когда мнение народа можно узнать в любой момент, народный суверенитет становится реальностью. Опросы как «выборочные референдумы» решают эту задачу с удовлетворительной точностью, оценивая народное мнение в кратчайшие сроки. В другом месте Гэллап высказывает это еще яснее: «современные опросные процедуры позволяют провести в течение нескольких часов общенациональный референдум или плебисцит и сообщить результаты, которые будут лишь на несколько процентов отличаться от тех, что были бы получены, если бы все население страны отправилось на избирательные участки» [Gallup, 1948: x].

Понимание демократии как процесса плебисцитарного народного волеизъявления было достаточно распространенным в неспокойное межвоенное время². К плебисцитарной демократии склонялись Макс Вебер [Вебер, 1990] и Карл Шмитт [Шмитт, 2010]. И хотя для обоих ключевым элементом плебисцитарной системы было наличие сильного лидера, способного подавить конфликты между меньшинствами, представление о том, что общественное мнение выражает народную волю посредством плебисцита, обозначается именно в этот период. Так, Шмитт пишет: «кажется оправданным обозначение демократии как власти общественного мнения, *government by public opinion*... Общественное мнение есть современный вид аккламации... Не существует никакой демократии и государства без общественного мнения, как и государства без аккламаций» [Шмитт, 2010: 101]. Может показаться, что Гэллап с его технологией опросов по месту жительства достаточно далек от такого понимания. Однако более существенно здесь представление о народной воле как чем-то всегда уже заранее присутствующем и проявляемом в общественном мнении. По любому общественно значимому вопросу³ у народа всегда есть мнение, и демократическое правление означает, что это мнение должно возобладать.

Связь между общественным мнением и народным суверенитетом вовсе не очевидна. Как показывает Юрген Хабермас, понятие «общественного мнения» в европейской политической теории чаще связывалось с рациональной буржуазной публикой, которая формирует свои взгляды в рамках дискуссий в публичной сфере. С этой точки зрения отдельные суждения множества произвольно взятых граждан не составляют никакого «общественного мнения»⁴. Это дает Хабермасу основания

² Идею нации как «каждодневного плебисцита» высказал Эрнест Ренан в знаменитой речи «Что такое нация?» [Ренан, 1902: 101].

³ Гэллап, впрочем, справедливо настаивает на том, что спрашивать респондентов можно лишь о чем-либо, что они понимают и что для них существенно [Гэллап, Рэй, 2017: 91].

⁴ Сходные аргументы в 1920-е годы выдвигал У. Липпман [Lippmann, 1925].

утверждать, что современное «общественное мнение» в действительности «необщественное», «непубличное» [Habermas, 1990: 312].

Представление о том, что в общественном мнении выражается воля «простого народа» (именно с отсылки к «обычному человеку» Гэллап и Рэй начинают свою книгу), возникает из философии Жан-Жака Руссо, для которого общество с момента своего возникновения с необходимостью обладает «общей волей», и задача состоит в том, чтобы постоянно опознавать эту волю и претворять ее в действие. В качестве инструмента для измерения общей воли Руссо не находит ничего лучше голосований (признавая, однако, их несовершенство) [Руссо, 1998: 291]. При этом в логике Руссо акт участия в голосовании не имеет самостоятельного значения для демократии; если бы общую волю можно было узнать как-либо иначе, от голосований можно было бы отказаться. Именно здесь можно увидеть принципиальное сходство между Руссо и Гэллапом, для которых процедура голосования/опроса имеет чисто технический смысл. Если Брайс думал о том, как возможно реализовать утопию Руссо в масштабах современных государств, то Гэллап находит практический способ воплощения руссоистской демократии: «выборы никогда не будут единственным каналом выражения общественного мнения, хотя какое-то время, возможно, могут оставаться наилучшим способом его выявления, если брать какой-либо один метод» [Гэллап, Рэй, 2017: 45]. Благодаря опросам голосование можно сделать перманентным.

Гэллап и Рэй осведомлены о том, что руссоистская модель сводит участие народа в демократии к голосованию. Поэтому они выражают надежду, что опросы не вытеснят выборы, но дополняют их: «выборы, охватывая огромную часть общества, по сути являются школой гражданского права, с которой не может соперничать ни один опрос. Когда миллионы людей слушают выступления кандидатов, обсуждают проблемы и голосуют, они получают подлинный опыт свободы выборов и гражданского общества» [Гэллап, Рэй, 2017: 201]. Однако электоральная аналогия делает эту оговорку не слишком убедительной. Если опросы являются более эффективным способом провести голосование и узнать народную волю, то почему опросам не должны сопутствовать дебаты, публичные обсуждения, агитация и совместный поход на избирательные участки? Очевидно, на «выборочные референдумы» выносятся ничуть не менее важные вопросы, чем на референдумы реальные. Тогда почему без всех этих элементов демократического процесса в случае опросов можно обойтись? Следует признать, что сама по себе идея перманентного референдума подразумевает, что воля народа всегда «уже готова», достаточно лишь найти способ узнать ее и выполнить; другие же элементы демократического процесса в лучшем случае вторичны.

4. Общественное мнение — это не единая воля, а агрегат индивидуальных мнений. Впрочем, Гэллап, как и Брайс, не склонен заимствовать взгляд Руссо на демократию полностью. Для Руссо общая воля выступала надындивидуальным единством, возникающим благодаря общественному договору. Отчетливо оппонировав Руссо, Гэллап и Рэй вслед за Брайсом подчеркивают, что общественное мнение не «сверхсущность», а всего лишь «совокупность взглядов» [Гэллап, Рэй, 2017: 42]. Народная воля, таким образом, получается простым суммированием

мнений отдельных индивидов, так что в каждый конкретный момент опрос будет замерять только баланс предпочтений.

Такое понимание требует дополнительных пояснений. Демократия, с точки зрения Гэллапа и Рэя, не просто сводится преимущественно к фиксации заранее определенной воли, но эта воля еще и формируется по отдельности у изолированных индивидов. Конечно, индивиды взаимодействуют и влияют на предпочтения друг друга, однако сама идея о том, что носителем мнения может быть не индивид, а коллектив, идеологам опросов не близка.

Отсюда становится понятным расхождение Гэллапа с плебисцитарной теорией Шмитта: если последний считает, что в плебисците должна проявляться воля народа как политического единства, и потому волеизъявление должно быть публичным, то технология Гэллапа предполагает, что измеряются только мнения отдельных людей, которые затем складываются. С демократической позиции Шмитта легко можно представить себе ситуацию, когда сумма мнений отдельных индивидов не будет совпадать с волей общества, к которому они принадлежат. В самом деле, в качестве индивидов они могут иметь одни мнения, а будучи взятыми как представители народа, быть носителями совершенно другого мнения и вести себя наперекор собственным индивидуальным мнениям. Для Гэллапа такая ситуация немислима, поскольку никакой реальности за пределами отдельных мнений нет.

Позиция Гэллапа уязвима для традиционной демократической критики. Поскольку общественное мнение — лишь сумма изолированных мнений, в конечном счете, решающую роль играет позиция большинства: «в демократическом обществе к мнению большинства по социальным и политическим вопросам следует относиться как к истине в последней инстанции» [Гэллап, Рэй, 2017: 40—41]. Однако «большинство» — эфемерное образование, оно не представляет собой реального политического субъекта и едва ли годится на роль верховного суверена. Если большинство не является просто удобным способом узнать волю реально существующего народа (как полагал Руссо), то непонятно, почему власть таких ситуативных большинств следует называть демократией⁵. Ближайшей аналогией может быть ситуация, когда из четверых играющих в преферанс трое при раздаче скажут «пас», и из этого кто-то сделает вывод, что демократия предписывает в данном случае играть распасы только потому, что таково мнение большинства. Конечно, такие шутки нередко звучат за игральным столом, но очевидно, что четвертый участник может отказаться от распасов, и тогда вполне демократическим исходом будет то, что распасов не будет: он закажет игру, а остальные будут ее играть, так как это предписывают принятые всеми правила.

5. Окончательное решение в демократии остается за народными представителями, опросы лишь информируют их о мнении большинства. Поскольку Гэллап полагает, что опросы способны обеспечить реальное народное правление и ограничить власть представителей, склонных ей злоупотреблять, ему приходится столкнуться с классической критикой прямой демократии с позиций демократии

⁵ Здесь можно видеть важную точку размежевания между исследованиями общественного мнения и социологией. «Общественному мнению» в версии Гэллапа явно недостает социальной реальности — его онтологический статус непонятен. Такого рода социологическую критику в адрес понятия «общественное мнение» еще до появления гэллаповских опросов (однако имея в виду в том числе «соломенные» опросы) высказывал один из основателей социологии Фердинанд Теннис [Tönnies, 2011 (1922)].

репрезентативной. В самом деле, наделение народа слишком большой прямой власти может привести к «тирании большинства» — ситуации, когда неразумные массы получают возможность диктовать свою волю прогрессивным меньшинствам. Со времен основателей американской конституции демократия считалась опасной формой правления, которой следует предпочесть представительную республику [Мэдисон, 1994: 83].

По этому вопросу позиция Гэллапа и Рэя выглядит откровенно непоследовательной. С одной стороны, они обрушиваются на Джеймса Мэдисона, обвиняя его чуть ли не в гитлеризме [Гэллап, Рэй, 2017: 190]. Ясно, что авторам гораздо ближе более демократический подход Томаса Джефферсона, который в годы основания США потерпел поражение. С другой стороны, аргументы сторонников просвещенной власти принимаются, и выясняется, что право наиболее компетентных принимать решения за народ не оспаривается: «непрерывные опросы общественного мнения будут всего лишь дополнять, а не нарушать работу выборных представителей» [Гэллап, Рэй, 2017: 195]. На протяжении нескольких страниц авторы переходят от идеи о том, что общественное мнение должно быть «решающей силой в политике», к тому, что опросы «могут стать незаменимыми помощниками правительства». Если опросы, как неоднократно подчеркивается в книге, — это способ для народа править напрямую, манифестация воли народного суверена, то какому еще правительству они должны помогать?

Однако даже если попытка Гэллапа и Рэя разрешить противоречие между прямой и представительной демократией неудачна, она все же указывает на реальную двойственность функции опросов в демократии. Опросы действительно не предполагают имплементации общественного мнения в законы и политические решения. Реальное правление все равно осуществляет лидер или элиты — представители народа, которые используют опросы как важный источник информации и принимают решения с ее учетом. В то же время Гэллап и Рэй тонко чувствуют, что решения больше не легитимизируются только тем, что принявшие их имели законное право это сделать. Политики и их действия нуждаются в дополнительной демократической легитимации, в поддержке со стороны народа, чтобы можно было указать на то, что правитель лишь исполняет народную волю. Классическое представительное правление предполагает, что представитель полностью свободен в своих действиях в пределах, обозначенных законом; в то время как прямая демократия руссоистского типа требует, чтобы он просто претворял в жизнь волю народа. Опросы сохраняют логику представительного правления, усиливая ее дополнительной легитимностью: в самом деле, если народ разочаровывается в своих представителях, считая, что они принимают решения исключительно в собственных интересах (точка зрения, характерная для межвоенного периода), то следует подкрепить эти решения указанием на то, что за ними в действительности стоит его, народа, прямая воля.

Такая интерпретация функции опросов позволяет понять, каким образом поддержка прямой демократии совмещается у Гэллапа и Рэя с одобрением расширения власти экспертов [Гэллап, Рэй, 2017: 194]. Опросы не ставят под сомнение технократический подход к управлению; напротив, они расширяют объем информации, которую получают и учитывают эксперты. Современный технократ обязан принимать

во внимание общественное мнение, поскольку без учета этого фактора даже хорошо продуманные инициативы могут провалиться. Опросы создают для технократа возможность ввести общественное мнение в контур управляемых, контролируемых параметров и не зависеть от каприза общественных настроений. При этом именно технократ, а вовсе не общество, является главным адресатом опросов. Они проводятся в первую очередь для того, чтобы он мог получить данные о состоянии общественного мнения и затем принять информированное и компетентное решение о том, следует ли в данный момент идти вслед за большинством. Гэллуп не устает подчеркивать, что главная ценность опросов состоит в том, что они снабжают информацией политических лидеров и помогают принимать решения чиновникам [Gallup, 1944: x-xi]. Он проницательно предугадал, что запрос государств на данные опросов будет быстро расти [Gallup, 1944: 89]. В гэллуповском представлении о демократии именно государство (а не публичная сфера, как хотелось бы, например, Хабермасу) выступает главным заказчиком опросов общественного мнения.

Джордж Гэллуп, несомненно, умел предвидеть направление развития политических систем и подстраивать под него свою опросную машину. В то же время эволюция современных демократий в сторону плебисцитаризма не в последнюю очередь движется такими технологиями, как гэллуповский перманентный референдум. Они задают рамки нашего мышления о демократии и убеждают в том, что больше голосований означает больше демократии. Книга Гэллупа важна тем, что позволяет проследить связь между одной из главных политических технологий нашего времени и теорией демократии.

Теперь, благодаря работавшей над переводом команде, это может сделать и русский читатель. Достоинство перевода, выполненного В. Л. Силаевой под редакцией Н. П. Попова и А. В. Кулешовой, состоит в том, что получившийся текст написан на русском языке и читается достаточно легко. Информативное биографическое предисловие Б. З. Докторовой помогает понять место этой книги в творчестве Гэллупа и Рэя.

Впрочем, доступность текста местами далась ценой потери важных смыслов; в особенности в части политико-философских рассуждений авторов. Так, *government* в большинстве случаев переводится как «правительство», в то время как авторы очевидно имеют в виду «правление». По-русски «народное правительство» означает нечто почти противоположное «народному правлению»; то же самое касается классической либеральной формулы «правление с согласия» (никак не «правительство с согласия»). На с. 191 «философия федералистов» превращается в «философию федерализма», что полностью искажает смысл авторской критики Гамильтона: как известно, так называемые федералисты в период принятия Американской конституции придерживались антифедералистской, централистской философии. На с. 42 цитата из Дж. Брайса провозглашает общественное мнение «направляющей или господствующей властью» (*Public Opinion... thereby becoming a guiding or ruling power*), в переводе же, наоборот, об общественном мнении говорится как «об ориентире для правящей власти». Противоположная ошибка возникает на с. 190: Магуайр говорит о том, что представители должны интерпретировать (*interpret*) реальную волю народа (а не слепо следовать мнению простолюдинов), в то время как в переводе оказывается, что они просто «вырази-

тели народной воли». Далее Гэллп и Рэй замечают, что в рассуждениях Магуайра «проявляется подозрительность (reveals suspicion) в отношении народных масс», а перевод загадочно сообщает, что рассуждения «бросают тень на народные массы». К сожалению, в ключевых местах такого рода погрешностей достаточно много.

Значительная работа была проведена, чтобы снабдить книгу примечаниями, раскрывающими актуальный для авторов политический и научный контекст Америки первой половины века. Однако и здесь без неаккуратностей не обошлось. Так, на с. 117 переводчик утверждает, что Теодор Рузвельт выиграл выборы, выдвинувшись от Прогрессивной партии, в то время как в действительности он их проиграл. На с. 115 предлагается странное определение кокуса («закрытое собрание фракций») и почему-то дается ссылка на английского политика Джозефа Чемберлена, в то время как кокус — это демократический институт, возникший в Америке еще в колониальный период, он обозначает совещание членов партии или партийной группы с целью координации (часто — для определения кандидата от партии на выборах). Хочется надеяться, что эти и другие неточности будут устранены редакторами при переиздании книги. Сегодня эта книга способна рассказать о России гораздо больше, чем могли бы вообразить ее авторы.

Список литературы (References)

Вебер М. Политика как призвание и профессия // Избранные произведения / М. Вебер. М. : Прогресс, 1990. С. 644—706.

Weber M. (1990) Politics as a Vocation. In: Weber M. Selected works. Moscow: Progress. P. 644—706. (In Russ.)

Гэллп Дж., Рэй С. Ф. Пульс демократии. Как работают опросы общественного мнения. М. : ВЦИОМ, 2017.

Gallup G., Rae S. F. (2017) The Pulse of Democracy: The Public-opinion Poll and how it Works. Moscow: VCIOM. (In Russ.)

Мэдисон Дж. Записка № 10 // Федералист. М. : Прогресс; Литера, 1994. С. 78—86.
Madison J. (1994) Note No. 10. In: *Federalist*. М: Progress; Literature. P. 78—86. (In Russ.)

Ренан Э. Что такое нация? // Собрание сочинений / Ренан Э. Т. 6. Киев, 1902. С. 87—102.

Renan E. (1902) What is a nation? In: *Renan E. Collected Works*. Vol. 6. Kiev. P. 87—102. (In Russ.)

Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. М. : Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 1998.
Rousseau J.-J. (1998) On the social contract. Treatises. Moscow, KANON-press, Kuchkovo pole. (In Russ.)

Шмитт К. Учение о конституции (фрагмент) // Государство и политическая форма / К. Шмитт. М. : ВШЭ, 2010. С. 33—236.

Schmitt K. (2010) The doctrine of the constitution (fragment). In: *K. Schmitt. State and political form*. Moscow: Higher School of Economics. P. 33—236. (In Russ.)

Gallup G. (1948) *A Guide to Public Opinion Polls*. 2nd Ed. Princeton: Princeton University Press.

Habermas J. (1990) *Strukturwandel der Öffentlichkeit*. Frankfurt a. M.: Suhrkamp.

Lippmann W. (1925) *The Phantom Public*. New Brunswick; London: Transaction Publishers.

Pickering A. (1995) *The Mangle of Practice*. Chicago: The University of Chicago Press.

Pitkin H. (1967) *The Concept of Representation*. Berkeley: University of California Press.

Tönnies F. 2011 [1922]. *Kritik der öffentlichen Meinung*. Charleston: Nabu Press.